

УДК 159.9
ББК 88.3
P82

Дизайн серии Яны Паламарчук

Редакция и предисловие академика РАО Ксении Альбухановой

Рубинштейн, Сергей Леонидович.

P82 Основы общей психологии / Сергей Рубинштейн. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 960 с., ил. – (Наследие эпох)

ISBN 978-5-17-114740-2

Книга выдающегося психолога и философа Сергея Рубинштейна «Основы общей психологии» впервые была издана почти восемьдесят лет назад, однако до сих пор она не утратила своей актуальности и считается наиболее полной энциклопедией психологической науки и источником знаний для многих поколений специалистов.

В книге ученому удалось представить психологию как функциональную систему познания, в которой различные способы и уровни исследования гибки, изменчивы в своем взаимодействии – в зависимости от поставленных задач, обстоятельств и роли психологии в общественной жизни.

С. Рубинштейн проводит связи психологии с естественными и общественными науками, определяет ее место в комплексе этих наук. В его фундаментальном труде проанализирован практически весь опыт мировой психологической мысли, представлены исследования, достижения и проблемы отечественной психологии

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-114740-2

© Альбуханова К.А., предисловие, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Основная книга С.Л. Рубинштейна

Уникальный труд Сергея Леонидовича Рубинштейна «Основы общей психологии» относится к числу самых значительных достижений отечественной психологической науки. Опираясь на его доминирующую философскую концепцию 20-х годов прошлого столетия, этот труд тем не менее стал основой принципиально новой научной парадигмы «Человек и мир», разработанной С.Л. Рубинштейном в 60-х годах XX века.

Почти за 80 лет, прошедших со времени первого издания, эта книга не превратилась в музейный экспонат. Она и сегодня является энциклопедией психологической науки, образцом искусства психологического познания. Классический труд С.Л. Рубинштейна, будучи изданным как учебное пособие, стал источником знаний для многих поколений психологов, побудителем постановки все новых исследовательских задач.

Отправными позициями этого труда являлось осмысление С.Л. Рубинштейном актуальных для психологии выводов из ранних и поздних трудов Карла Маркса, а также — выход в свет первого варианта «Основ психологии» (1935 г.), содержавшего новое определение предмета психологии, новую методологию исследования психического.

В новом издании — «Основы общей психологии», вышедшем в 1940 году, раскрыты связи психологии с естественными и общественными науками, определено ее место в комплексе этих наук. В фундаментальном труде Рубинштейна проанализирован практически весь опыт мировой психологической мысли, представлены исследования, достижения и проблемы отечественной психологии.

Как известно, методология психологического познания в отечественной науке значительно отличается от систематики, носящей скорее науковедческий характер мировой психологии. Отечественная психологическая наука, опираясь на философские положения, использует их не как априорные принципы, а преобразует в объяснительные ресурсы, в конструктивные ориентиры приоритетных направлений психологического познания. Вопреки представлениям, существующим в зарубежной науке (М. Полани, М. Малкей и др.) с ее науковедческими классификациями, С.Л. Рубинштейну удалось представить психологию как функциональную систему познания, в которой различные способы и уровни исследования гибки, изменчивы в своем взаимодействии — в зависимости от поставленных задач, обстоятельств и роли психологии в общественной жизни.

Книга «Основы общей психологии» представляет собой органическое единство философско-методологического, психологического (теоретико-эмпирического) и педагогического направлений творчества С.Л. Рубинштейна — выдающегося мыслителя XX столетия.

Этот фундаментальный труд был издан в форме учебника, потому что Сергей Леонидович Рубинштейн считал себя ответственным за все факторы, обеспечивающие развитие психологии: за ее институты, кадры (особенно молодые, в силу нарушения непрерывности психологического образования после Октябрьской революции и радикального изменения самого содержания науки); за признание психологической науки всем научным сообществом, за ее социальную востребованность.

Именно поэтому он, работая сначала в Ленинграде заведующим кафедрой психологии Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, создал коллектив, реализующий исследования различных психических процессов, качеств, способностей: восприятия, наблюдения, памяти, воспроизведения, реминисценции, речи и др.

Предметом исследования являлась зависимость оптимальности развития разных психических процессов в осуществлении ребенком деятельности, предложенной экспериментатором. Рубинштейну и его коллегам удалось выявить внутренние закономерности и высокоорганизованных личностно-психологических способностей, скрытых от внешнего наблюдения, воссоздав способы и уровни их развития в условиях естественного эксперимента — осуществления деятельности.

Важно, что осуществление деятельности не регулировалось по произволу экспериментатора. Деятельность заранее организовывалась так, чтобы превратить ее в решение задачи, адекватной возможностям ребенка: его возрасту, уровню развития. Причем задача ставилась таким образом, чтобы именно «здесь» и «сейчас» произошло развитие психических способностей личности, проявились их закономерности. К этому нельзя не добавить, что это высочайшее искусство проведения подобных экспериментов было сильной стороной всего исследовательского коллектива Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена.

Это было отмечено и самим Сергеем Леонидовичем, назвавшим свои «Основы общей психологии» коллективным трудом.

Именно поэтому сразу после выхода в свет первого издания «Основ...» он садится за написание второго — в условиях уже начавшейся войны, непрекращающихся бомбежек.

Одновременно он возглавляет эвакуацию сотрудников и студентов педагогического института имени А.И. Герцена и их семей, беря на себя все заботы по ее организации.

Поэтому он — уже не молодой человек — пешком идет по обледелым улицам осажденного Ленинграда, чтобы поделиться своим академическим пайком с заболевшим аспирантом.

С.Л. Рубинштейн начал работу над вторым изданием «Основ...» не потому, что имел поддержку первого издания выдающимися учеными В.В. Вернадским и А.А. Ухтомским, и безотносительно к присуждению Государственной премии (1942 г.) — этой высочайшей по тем временам социальной оценке его труда, а считая его необходимым и для подготовки новых психологических кадров и утверждения общественной роли психологической науки.

Будучи в том же году отозван из эвакуации (где он успел наладить жизнедеятельность института, создать все условия для продолжения преподавания) в Москву,

С.Л. Рубинштейн избирается членом-корреспондентом АН СССР. Ему поручается возглавить три ведущих психологических центра Москвы: пришедший в запущенное состояние Психологический институт АПН СССР, кафедру психологии на вновь открывшемся отделении философского факультета МГУ и созданный Сергеем Леонидовичем сектор философских проблем психологии в Институте философии АН СССР. Этим решалась важнейшая задача интеграции психологической науки.

В перечисленных учреждениях развернулась интенсивная научно-исследовательская деятельность известных психологов: Б.М. Теплова, Н.Н. Ладыгиной-Котс и многих других, преподавание психологии, подготовка аспирантов... Сергей Леонидович проводил совершенно особые, отличные от учебных, научные семинары с участием и старшего, и молодого поколений психологов. На таких семинарах он обучал исследовать: ставить проблемы, обобщать результаты, обсуждать выводы. На эти семинары приглашались известные психологи страны со своими докладами.

Именно поэтому, из чувства личной ответственности, он неоднократно обращался в соответствующие инстанции, обосновывая необходимость создания нового института психологии в системе Академии наук.

Однако успех «Основ общей психологии» и ее автора вызвал недоброжелательство вчерашних коллег, защите докторских диссертаций которых он содействовал еще в Ленинграде. «Основы» были подвергнуты критике за «избыточное» число ссылок на зарубежных авторов и искаженные критиками отдельные мысли автора. Пренебрегая жесточайшей идеологической критикой второго издания (1946 г.), развернувшейся в ходе начавшейся борьбы с космополитизмом, противодействуя попыткам «закрыть психологию» на небезызвестной Павловской сессии, он продолжал работу над последующими трудами, невзирая на поражение в правах: снятие с должностей, запрет публикаций, уничтожение монографии «Философские корни экспериментальной психологии» на стадии верстки.

Творчество С.Л. Рубинштейна нельзя было ни остановить, ни запретить...

Именно как ученый, ответственный за судьбу науки во всех ее ипостасях: научно-исследовательских, институциональных, кадровых — вопреки его депривации вчерашними коллегами, которых он поддерживал научно и административно, ратуя за создание отечественного психологического сообщества, — Сергей Леонидович продолжил разработку психологических проблем, поставленных и исследованных в «Основах...». Огромной значимости потенциал, содержащийся в этом труде, был реализован во второй половине 50-х годов в трех монографиях: «Бытие и сознание» (1957 г.), «О мышлении и путях его исследования» (1958 г.), «Принципы и пути развития психологии» (1959 г.). В этих трудах был представлен более высокий — *личностный* — уровень организации психического (*способности, мышление, сознание личности*) и совокупность новых методологических принципов, среди которых системообразующим стал по-новому определенный принцип детерминизма, в свою очередь открывший перспективу разработки онтологического принципа, объединяющего качественно различные способы существования и уровни бытия человека, и принцип гуманизма, утверждающий человечность, ценности добра и справедливости в жизни личности и общества.

Первое посмертное переиздание «Основ общей психологии» осуществлено учениками С.Л. Рубинштейна в 1989 году и приурочено к столетнему юбилею этого выдающегося ученого. Переиздание было снабжено комментариями, вскрывающими связи с после-

дующими трудами С.Л. Рубинштейна, с дальнейшим развитием его идей. Существовавшие в то время издательские рамки, требовавшие уменьшения общего объема, вынудили сократить в каждой главе раздел о развитии каждой психической способности ребенка. Неоднократное переиздание «Основ...» коммерческим издательством не восстановило первоначального текста, но исключило комментарии учеников и подробное послесловие, написанное К.А. Абульхановой совместно с А.В. Брушлинским.

Данное предисловие к новому изданию «Основ общей психологии» стремится пригласить читателя к новому — с позиции современного состояния психологии, современного уровня мышления — прочтению этой удивительной книги: для выявления более глубокого, порой скрытого смысла — тонкого подтекста идей С.Л. Рубинштейна. Такое свежее прочтение полезно и для обнаружения пробелов в более чем сложной архитектонике этого труда — с целью постановки новых проблем, нахождения новых связей, а также — для более перспективной оценки исследовательского искусства С.Л. Рубинштейна, которое сильно отличается от трафаретных схем науки, и сегодня осуществляющихся в эмпирических исследованиях.

Важной задачей представляется раскрытие характера доминирующих в «Основах...» внутренних связей методологических принципов: в частности, *принципа развития с принципом единства сознания и деятельности личности*. Проблемой «Основ...» является проблема *генезиса* психического. Проблема его возникновения как кардинально нового уровня по отношению к психике животных, преобразования природных основ индивида в психические процессы, качества, способности личности, использование ей своих психических способностей (во всем их многообразии, включая сознание) в саморегуляции при осуществлении деятельности и жизни.

Поскольку *принцип развития* доминировал во всей мировой психологии, С.Л. Рубинштейн проанализировал многочисленные концепции развития (антропогенез, онтогенез, развитие психики ребенка, развитие способностей, сознания, личности и т.д.), уделяя особое внимание концепциям В. Штерна и Ж. Пиаже. Рубинштейн приходит к выводу, что практически все эти концепции строятся на принципе *определения развития* той или иной *структурой*. Он доказывает, что сама структура может развиваться, и, главное, развитие осуществляется в *функционировании психического, в деятельности, общении, взаимодействии личности с действительностью*. Функционирование предполагает бесконечные возможности *изменчивости* психических явлений, их многообразие и разнонаправленность их связей. При всей непрерывности их функционирования каждая такая изменчивость связана с обеспечением ее внутренней организации. При взаимодействии личности с действительностью происходит обобщение способов, наиболее конструктивно и адекватно обеспечивающих ее *функционирование*. Оптимальность функционирования психического и является развитием, которое происходит при осуществлении личностью деятельности. Посредством деятельности личность осуществляет преобразование действительности — преобразование уже существующего в нечто другое. Таким образом, принцип развития раскрывается С.Л. Рубинштейном как функционально-генетический. И в таком качестве *принцип развития* оказывается внутренне связанным с *принципом субъекта деятельности* (в авторской формуле — «*единство сознания и деятельности*»).

В определении предмета психологии С.Л. Рубинштейн характеризует психическое как «отражение» и «переживание». Последнее не сводится (путем чисто терминологи-

ческой интерпретации) к чувствам – так же, как и «отражение» не отождествляется с философским гносеологическим понятием объективности познания. Переформулируя, вслед за С.Л. Рубинштейном, его определение психического – в контексте принципа единства сознания и деятельности, можно говорить о психическом как о *субъективном воспроизводстве человеком своей жизнедеятельности в действительности*, являющейся и условием его существования, и объектом его деятельности как личности. Поэтому не может идти речь о подмене личности ее сознанием. Речь идет о том, что сознание (как высшая среди способностей личности) является тем, посредством чего личность может осуществить деятельность, сущность которой заключается в онтологическом *преобразовании* действительности.

Таким образом, интерпретация *принципа развития* как функционально-генетического механизма позволяет понять способность психического, его конструктивную, операциональную роль в *осуществлении* личностью деятельности посредством сознания, в результате чего и происходит личностное развитие. Понятие же *единства* в формулировке *принципа единства сознания и деятельности* означает, что субъект достигает того способа осуществления деятельности, который, с одной стороны, отвечает его *намерениям* и, с другой, — *характеру преобразуемой им действительности*. Субъект способен в самом процессе осуществления определять масштабы, задачи деятельности, необходимые способности, характер усилий и т.д.

Принцип личности, субъекта не сформулирован С.Л. Рубинштейном в «Основах...» по понятным идеологическим причинам. Тем не менее в этом фундаментальном труде *принцип личности* уже не является тождественным простому использованию *понятия личности* как высшего уровня в организации психического. Причем этот принцип функционирует не только имплицитно. Он является *эксплицитным принципом*. Более того, он интегрирует два описанных выше принципа в объяснительную методологическую систему.

Теоретическое *понятие личности* конкретизировано С.Л. Рубинштейном по ряду различных оснований. Это прежде всего ставшее классическим *определение личности* через модальности: «хочу», «могу», «я сам». В «Основах...» анализируются относительно устойчивые личностные «составляющие» — способности, мышление, воля, характер, складывающиеся, изменяющиеся и развивающиеся *в ходе жизни*. Эти «образующие» формулу личности компоненты взаимно связаны друг с другом. По словам С.Л. Рубинштейна, «в... деятельности человека все они сплетены в одном узле» («Основы общей психологии». М.: Педагогика, 1989. Т. II. С. 99) и – одновременно — соподчинены направленности сознания личности, ее различным интересам, смыслу и идеалам жизни. В личностных категориях, связанных с деятельностью, можно говорить *об устремленности личности*, подразумевая ее индивидуальность, силу ее потребности самовыражения и самореализации в жизни, степень ее активности. В число анализируемых «образующих» личности С.Л. Рубинштейн включает, по сути, четвертую составляющую вышеупомянутой формулы: модальность «долженствование» = «надо» (помимо «хочу»). Однако он отнюдь не сводит это долженствование к требованиям внешних условий, а рассматривает его как *внутренний долг человека*, его нравственную *ответственность*. Внутренний долг в свою очередь реализуется и поддерживается волей, определение которой С.Л. Рубинштейн, в соответствии с принципом субъекта, связывает с самоопределением личности, с ее правом принимать и реализовать моральные решения, с ее самостоятельностью. Каждое качество личности С.Л. Рубинштейн рассматри-

вает в связи с деятельностью (с ее поступками), развитием и характером личности – в соответствии с основными методологическими принципами, рассмотренными выше.

В *характере*, по мнению С.Л. Рубинштейна, конкретизируется принцип субъекта. В отличие от традиционных определений, в «Основах...» в понятие «характер» включаются и самобытность, и избирательность, и *настойчивость* в реализации своего мировоззрения, собственных целей.

Определение эмоций и чувств личности фактически является замечательным прологом к раскрытию их модальностей — противоречивости и человечности — этот тезис о мировоззренческих чувствах личности получил дальнейшее развитие в монографии «Человек и мир», где идет речь о них, как выражающих разные отношения разных людей к жизни своей и всего общества, названных С.Л. Рубинштейном *оптимистической трагедией*.

«Основы общей психологии» в совокупности с вышеупомянутыми тремя трудами конца 50-х годов представляют собой фактически всю совокупность знаний восстановленной и обновленной в XX веке отечественной психологии (после ее кризиса конца XIX – начала XX века и радикального перерыва в ее развитии как результата революции). Исключая, конечно, ее специальные отрасли, начавшие развиваться во второй половине XX века (такие как инженерная психология, психология труда, социальная психология и др.), однако эта совокупность знаний, не разнесенных по обособленным разделам, а внутренне связанных в соответствии с сложнейшими связями самого психического во всем его многообразии, всех его уровнях, его изменениях и развитии, эти связи в обобщенном виде представлены и методологическими принципами — этими скрепами целостности науки.

Одновременно автору удалось представить психологию не только в качестве знаний о ее предмете и сущности этого предмета, но и в качестве способов познания, исследования, которые демонстрируют высочайший уровень отечественной психологической мысли — ее искусство. Оно воплотилось и в стержневой для всего труда теоретико-эмпирической модели изучения психического, сознания, личности (и ее образующих) в деятельности и в образцах теоретического моделирования эксперимента, приводящих к раскрытию существенных связей объекта и в воссоздании ходов мысли критикуемых С.Л. Рубинштейном авторов, приводящих к бесплодному эксперименту. В силу этого «Основы» предлагают читателю не только знания, которые развиваются, дополняются, расширяются, но и образцы психологического мышления, не устаревающие по существу, но совершенствующиеся по способу и уровню.

Человек, личность предстает в труде С.Л. Рубинштейна не как безликий фактор (как ее стали обозначать в 60 годах), а как иницирующий деятельность и жизнь субъект, берущий на себя ответственность за все содеянное и упущенное, как заключающий в себе потенциал развития и своих способностей, и деятельности, и жизни. В таком портрете личности, который умом и душой своей нарисовал С.Л. Рубинштейн в свой жестокий век, вопреки ему, — образец гражданского и человеческого мужества — может воодушевлять не «инженеров человеческих душ» (как говорилось раньше), не бесстрастных ее исследователей под микроскопом, а нас как психологов, призванных охранять, поддерживать бесконечную ценность русского человека.

Предисловие к 1-му изданию

Настоящая книга выросла из работы над предполагавшимся 2-м изданием моих «Основ психологии», вышедших в 1935 г. Но по существу — как по тематике, так и по ряду основных своих тенденций — это новая книга. Между ней и ее предшественницей лежит большой путь, пройденный за эти годы советской психологией вообще и мною в частности.

Мои «Основы психологии» 1935 г. были — я первый это подчеркиваю — пронизаны созерцательным интеллектуализмом и находились в плену традиционного абстрактного функционализма. В настоящей книге я начал решительную ломку ряда устаревших норм традиционной психологии, и прежде всего тех, которые довели над моим собственным трудом.

Три проблемы представляются мне особенно актуальными для психологии на данном этапе, и правильная постановка, если не решение их, особенно существенна для передовой психологической мысли:

- 1) проблема развития психики, и в частности, преодоление фаталистического взгляда на развитие личности и сознания, проблема развития и обучения;
- 2) проблема действенности и сознательности; преодоление господствующей в традиционной психологии сознания пассивной созерцательности и в связи с этим
- 3) преодоление абстрактного функционализма и переход к изучению психики, сознания в конкретной деятельности, в которой они не только проявляются, но и формируются.

Этот решающий сдвиг от изучения одних лишь абстрактно взятых функций к изучению психики и сознания в конкретной деятельности органически приближает психологию к конкретным вопросам практики, в частности психологии ребенка, к вопросам воспитания и обучения.

Именно по линиям этих проблем прежде всего идет размежевание между всем, что есть живого и передового в советской психологии, и всем отжившим и отмирающим. В конечном счете вопрос сводится к одному: превратить психологию в конкретную, «реальную» науку, изучающую сознание человека в условиях его деятельности и таким образом в самых исходных своих позициях связанную с конкретными вопросами, которые ставит практика, — такова задача. В настоящей книге эта задача, пожалуй, больше ставится, чем разрешается. Но для того, чтобы ее когда-нибудь разрешить, ее надо поставить.

Эта книга — по существу (плохая или хорошая — пусть судят другие) *исследовательская* работа, которая по-новому ставит целый ряд основных проблем. Укажу для примера на новую трактовку истории психологии, на постановку проблемы раз-

вития и психофизической проблемы, на трактовку сознания, переживания и знания, на новое понимание функций и — из более частных вопросов, — например, на решение вопроса о стадиях наблюдения, на трактовку психологии памяти (в связи с проблемой реконструкции и реминисценции), на теорию развития связанной («контекстной») речи в связи с общей теорией речи и т.д. Во главу угла этой книги поставлены не дидактические, а научные задачи.

При этом я особенно подчеркиваю одно: на этой книге стоит мое имя, и в ней заключена работа моей мысли; но вместе с тем это все же *коллективный* труд в подлинном смысле этого слова. Его не составлял десяток или два десятка авторов. Перо держала *одна* рука, и ею руководила *единая* мысль, но все же *коллективный* труд: ряд основных его идей выкристаллизовывался как общее достояние передовой психологической мысли, и весь фактический материал, на который опирается эта книга, является уже непосредственно продуктом коллективного труда — труда более узкого коллектива моих ближайших сотрудников и коллектива целого ряда старых и молодых психологов Советского Союза. В этой книге почти каждая глава опирается на материал советских психологических исследований, в том числе и неопубликованных. В ней впервые, пожалуй, широко представлена работа советских психологов.

В отличие от очень распространенных в последнее время тенденций, я не пытался обойти в этой книге ни одной из острых проблем. Некоторые из них по современному состоянию науки на данном этапе ее развития не могут еще быть вполне адекватно разрешены, и при самой постановке их легко и даже почти неизбежно могут вкратце некоторые ошибки. Но постановка их все же необходима. Без них невозможно движение вперед научной мысли. Если окажется, что при постановке некоторых из этих проблем мною допущены те или иные ошибки, критика вскоре вскроет и выправит их. Сама же их постановка и дискуссия, которую она вызовет, пойдет все же на пользу науке, а это для меня — основное.

Я высоко ценю значение деловой, позитивной критики. Поэтому я охотно отдаю мой труд на суд критики, хотя бы и самой острейшей, лишь бы она была принципиальной, лишь бы она продвинула вперед науку.

С. Рубинштейн
2/VII 1940 г., Москва

Предисловие ко 2-му изданию

Во второе издание настоящей книги я внес лишь небольшие исправления и дополнения, направленные только на возможно более четкую и последовательную реализацию ее исходных установок.

Подготовка настоящего второго издания этой книги к печати проходила в дни Великой Отечественной войны. Все силы и помыслы в те дни были сосредоточены на войне, от исхода которой зависели судьбы человечества. В этой войне наша Красная Армия защищала лучшие идеалы всего передового человечества от варварства, омерзительнее которого еще не видел мир. Майданек, Бухенвальд, Освенцим и прочие «лагери смерти», представшие теперь перед взорами всего человечества, навсегда останутся в памяти не только как места нечеловеческих мучений людей, замученных фашистскими палачами, но и как памятники такого падения, такой деградации человека, которой не могло, казалось, и представить себе даже самое извращенное человеческое воображение.

Выходит эта книга в свет в незабываемые дни победоносного окончания Великой Отечественной войны, войны всех свободолюбивых народов против фашизма. Наше правое дело победило. И теперь, в свете всего происшедшего и пережитого с новой значительностью, как бы в новом рельефе выступают перед нами большие, основные мировоззренческие проблемы философской и психологической мысли. С новой остротой и значительностью встает вопрос о человеке, о мотивах его поведения и задачах его деятельности, о его сознании — не только теоретическом, но и практическом, моральном — в его единстве с деятельностью, в ходе которой человек не только познает, но и преобразует мир. С новыми силами и новыми перспективами надо браться за их разрешение. От человека — сейчас это очевиднее, чем когда-либо — требуется, чтобы он не только умел находить всяческие, самые изобретательные средства для любых задач и целей, но и мог прежде всего определить надлежащим образом цели и задачи подлинно человеческой жизни и деятельности.

Институт философии Академии наук СССР

С. Рубинштейн

20/V 1945 г., Москва

Глава I. ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

ПРИРОДА ПСИХИЧЕСКОГО

Характеристика психических явлений. Специфический круг явлений, которые изучает психология, выделяется отчетливо и ясно — это наши *восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания* и т.п. — все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как будто непосредственно нам дано. Действительно, *принадлежность индивиду, их испытывающему, субъекту — первая характерная особенность всего психического*. Психические явления выступают поэтому как процессы и как свойства конкретных индивидов; на них обычно лежит печать чего-то особенно близкого субъекту, их испытывающему.

Не подлежит сомнению, что так, как нам бывает дано нечто в непосредственном переживании, оно никаким иным способом дано нам быть не может. Ни из какого описания, как бы ярко оно ни было, слепой не познает красочности мира, а глухой — музыкальности его звучаний так, как если бы он их непосредственно воспринял; никакой психологический трактат не заменит человеку, самому не испытавшему любви, увлечения борьбы и радости творчества, того, что он испытал бы, если бы сам их пережил. Мне мои переживания даны иначе, как бы в иной перспективе, чем они даны другому. Переживания, мысли, чувства субъекта — это *его мысли, его чувства; это его переживания* — кусок его собственной жизни, в плоти и крови его.

Если принадлежность индивиду, субъекту является первым существенным признаком психического, то *отношение его к независимому от психики, от сознания объекту — другая не менее существенная черта психического*. Всякое психическое явление дифференцируется от других и определяется как такое-то переживание благодаря

тому, что оно является переживанием *того-то*; внутренняя его природа выявляется через его отношение к внешнему. Психика, сознание отражает объективную реальность, существующую вне и независимо от нее; сознание — это осознанное бытие.

Но было бы бессмысленно говорить об отражении, если бы то, что должно отражать действительность, само не существовало в действительности. Всякий психический факт — это и *кусочек реальной действительности* и *отражение действительности* — не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразие психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением, — *единством реального и идеального*.

С двойной соотнесенностью психического, присущего индивиду и отражающего объект, связано сложное, двойственное, противоречивое внутреннее строение психического факта, наличие в нем самом двух аспектов: всякое психическое явление — это, с одной стороны, продукт и зависимый компонент органической жизни индивида и, с другой, — отражение окружающего его внешнего мира. Эти два аспекта, в тех или иных формах представленные даже в совсем элементарных психических образованиях, всё более отчетливо дифференцируются и принимают специфические формы на более высоких ступенях развития — у человека, по мере того как с развитием общественной практики он становится субъектом в подлинном смысле слова, сознательно выделяющим себя из окружающего и соотносящегося с ним.

Эти два аспекта, всегда представленные в сознании человека в единстве и взаимопроникновении, выступают здесь как переживание и знание. Моментом знания в сознании особенно подчеркивается отношение к внешнему миру, который отражается в психике. Переживание это первично, прежде всего — психический факт, как кусочек собственной жизни индивида в плоти и крови его, специфическое проявление его индивидуальной жизни. Переживанием в более узком, специфическом смысле слова оно становится по мере того, как индивид становится личностью и его переживание приобретает личностный характер.

Переживанием психическое образование является, поскольку оно определяется контекстом жизни индивида. В сознании переживающего индивида этот контекст выступает как связь целей и мотивов. Они определяют смысл пережитого как чего-то со мной происшедшего. В переживании на передний план выступает не само по себе предметное содержание того, что в нем отражается, познается, а его значение в ходе моей жизни — то, что я это знал, что мне уяснилось, что этим разрешились задачи, которые передо мной встали, и преодолены трудности, с которыми я столкнулся. Переживание определяется личностным контекстом, как знание (см. дальше) — предметным; точнее, оно является переживанием, поскольку оно определяется первым, и знанием, поскольку оно определяется вторым. Переживанием становится для человека то, что оказывается личностно-значимым для него.